

Левъ Толстой въ роли религіознаго наставника дѣтей.

По поводу книжки: „Leo Tolstoi. Die Lehre Christi dargestellt für Kinder“.

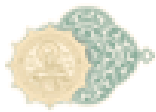
Интересъ Толстого къ вопросамъ воспитанія извѣстенъ. Первый практическій педагогическій опытъ его относится къ весьма ранней порѣ его жизни, именно къ 1849 году, когда онъ впервые открылъ у себя въ Ясной Полянѣ школу для крестьянскихъ дѣтей. Затѣмъ слѣдовали его путешествія по Западной Европѣ съ цѣлью нагляднаго ознакомленія съ постановкой педагогическаго дѣла на западѣ, въ частности—въ Германіи и Франціи. Онъ познакомился съ нѣкоторыми извѣстными педагогами и посѣтилъ нѣсколько наиболѣе популярныхъ тогда педагогическихъ учреждений. Получивъ почти вездѣ впечатлѣніе отрицательное, закритиковавъ, какъ совершенно по его мнѣнію несостоятельную, обычную „нѣмецкую“ педагогію—и въ теоріи ея и въ практическомъ примѣненіи таковой, Толстой вступилъ на свой педагогическій путь а la Руссо: Яснополянская школа его стала практическимъ экспериментомъ для тѣхъ принциповъ „свободнаго“ воспитанія, въ которые увѣровалъ Толстой, а педагогическія статьи его—наиболѣе яркимъ выраженіемъ новаго педагогическаго направленія, которое въ то время начинало проявляться въ Россіи. Съ тѣхъ поръ не только въ спеціальныхъ педагогическихъ статьяхъ, но и по самымъ различнымъ поводамъ, трактуя вопросы разнообразнаго содержанія и характера, Толстой перѣдко возвращаетъ все къ той же, очевидно, глубоко затронувшей его умъ

педагогической проблемѣ. Интересъ къ ней не угасъ въ его душѣ и сейчасъ Предъ нами дрезденское изданіе нѣмецкаго перевода той книжки его, которая, по мысли автора, должна служить религіозному воспитанію дѣтей. Это — „Ученіе Христа, изложенное для дѣтей“¹⁾.

„Въ прошломъ году, говоритъ авторъ въ „Предисловіи“, у меня образовалась маленькая школа изъ крестьянскихъ дѣтей 10—13-лѣтняго возраста. Желая передать имъ ученіе Христа такъ, чтобы оно было понятно для нихъ и оказало вліяніе на ихъ жизнь, я объяснялъ имъ собственными словами тѣ мѣста изъ четырехъ Евангелій, которыя представлялись мнѣ наиболѣе легко усвояемыми для нравственнаго руководства въ жизни. Чѣмъ болѣе я занимался этимъ, тѣмъ яснѣе становилось мнѣ,—изъ пересказа дѣтей и изъ ихъ вопросовъ,—что наипроще понимается ими и что наиболѣе ихъ увлекаетъ. Принявъ это за руководящее начало, я составилъ предлагаемую книжечку. Думаю, что чтеніе ея по главамъ, сопровождаемое попутными разъясненіями о возможности и необходимости примѣненія вѣчныхъ истинъ этого ученія къ жизни, должно оказаться благотворнымъ для дѣтей, которыя, по слову Христа, особенно воспримчивы къ ученію о царствіи Божіемъ“²⁾. Такъ объясняетъ авторъ происхождение этой книжки своей, должествующей представлять краткій, удобопонятный для дѣтей пересказъ наиболѣе, по мнѣнію Толстого, полезныхъ въ воспитательномъ отношеніи мѣстъ изъ ученія Христа Спасителя. Книга раздѣлена на 52 главки, сопровождаемая цитаціей тѣхъ мѣстъ Евангелій, на которыя ссылаются авторъ, и повторительными вопросами.

¹⁾ *Leo Tolstoi. Die Lehre Christi dargestellt für Kinder. Einzige autorisierte Uebersetzung aus dem Original-Manuskript von Dr. A. Skarvan. Herausgegeben von Dr. E. H. Schmitt. Zweite Auflage. Dresden 1909 (SS. VII+113).*

²⁾ Vorwort, S. VII.

По мнѣнію издателя нѣмецкаго перевода книжки, это произведеніе Толстого представляетъ очень большую цѣнность, какъ вполне отвѣчающее по своему содержанію высокой цѣли, предназначаемой для него авторомъ—служить руководствомъ для религіозно-нравственнаго воспитанія дѣтей въ духѣ ученія Христова. „Предлагаемый трудъ, говоритъ Е. Шмиттъ, въ своей высокой простотѣ вылился прямо изъ глубины души Толстого. На мѣсто противныхъ разуму и частью безнравственныхъ догматовъ..., которыми церковное мнимое христіанство (*kirchliches Scheinchristentum*), извращая глубокомысленные символы протлага, не боится отравлять души дѣтей и простого народа, Левъ Толстой хочетъ поставить простое, чисто человѣческое пониманіе возвышеннаго ученія Нагорнаго проповѣдника и его притчей и аллегорій. Все мистически-темное, потустороннее, чѣмъ церкви и секты омрачаютъ кругозоръ дитяти, здѣсь разрѣшается въ человѣчески-возвышенныя представленія и чувства; все божественное и духовное возвращается въ свою сферу—общечеловѣческаго сознанія и общечеловѣческаго чувства... Эта переработка имѣетъ цѣлью прежде всего служить путеводною нитью для учителей—воспитателей (и на первомъ мѣстѣ между ними для самихъ родителей), которые призваны содѣйствовать облагороженію души дитяти путемъ углубленія религіознаго міровозрѣнія его“ ¹⁾.

Дѣйствительно, рассматриваемая со стороны такого „упрощенія“ ученія Христова, при которомъ изъ него было бы изгнано все „*lenseitiges*“—потустороннее и оставлено въ немъ лишь человѣческое, хотя бы и въ возвышеннѣйшей формѣ, книжка Толстого достигаетъ своей цѣли. Авторъ ея тщательнѣйшимъ образомъ или затушевываетъ, путемъ своихъ собственныхъ толкованій, или и совершенно уничто-

1) Vorwort des Herausgebers, SS. V—VI.

жасть, путемъ неупоминанія, въ этомъ дѣтскомъ своемъ пересказѣ ученія Христа Спасителя все, что такъ или иначе свидѣтельствуешь о Его божествѣ и божественномъ характерѣ Его ученія.

Такъ объ Иисусѣ Христѣ говорится, что Онъ „родился 1908 лѣтъ назадъ отъ Маріи, жены Іосифа“, и до 30-лѣтняго возраста жилъ въ городѣ Назаретѣ съ матерью, *отцомъ и братьями своими* (С. 2)¹⁾. „Когда ему“²⁾ было уже 30 лѣтъ, онъ узналъ, что народъ ходитъ слушать проповѣди одного святого пустытника. Пустытникъ этотъ назывался Іоаннъ. Итакъ, пошелъ и Иисусъ съ народомъ въ пустыню послушать проповѣдь Іоанна. Іоаннъ говорилъ, что приближается время Царства Божіа, время, когда всѣ люди должны понять, что *все они равны, что нѣтъ ни высшихъ, ни низшихъ*³⁾, что

1) Курсивъ вездѣ въ статьѣ нашъ.

2) Приводя подлинныя слова Толстого, сохраняемъ и орфографію его.

3) Весьма трудно догадаться, на какомъ основаніи приписываетъ Толстой эту мысль Іоанну Крестителю. Откуда взялъ онъ ее, а равно и всѣ дальнѣйшія подробности, касающіяся отношенія Господа Иисуса Христа къ проповѣди Іоанна? Ничего этого въ евангельскихъ повѣствованіяхъ, на которыя отчасти ссылается и Толстой, нѣтъ. (См. Мт. III, 1—17; Мрк. I, 1—11; Лк. III, 1—18. Ср. Ін. I, 19—34). Не уясняетъ вопроса и Толстовское „Соединеніе, переводъ и изслѣдованіе 4-хъ евангелій“ (См. въ изданіи журнала „Всемирн. Вѣстн.“, Ч. I, СПб. 1906, стр. 37—44). Но обращаясь къ его „Краткому изложенію Евангелія“, находимъ въ проповѣди Іоанна такое мѣсто: „Онъ (Іоаннъ) говорилъ: гласъъ взываетъ къ вамъ: проложите въ глуши путьъ Богу, уравнийте путьъ ему. Сдѣлайте такъ, чтобы *все было равно, чтобы не было ни впадинъ, ни возвышеній, ни высокаго, ни низкаго*“. При этомъ дѣлается ссылка на Лк. III, 4—5 (см. въ томъ же изданіи, стр. 2 и 93). Итакъ, не здѣсь ли разгадка нашего недоумѣнія? Какъ ни странно это, но повидимому въ словахъ пророка Ісаіи (XL, 3—5), предугазывавшаго на особаго Предтечу Мессіи, ко-

всѣ должны жить въ любви и единомудіи между собою. Онъ говорилъ, что это время близко, но совершенно наступить только тогда, когда люди перестанутъ творить неправду“... (S. 2). Весьма важныя слова Іоанна Крестителя о Господѣ Іисусѣ Христѣ: „я крещу васъ въ водѣ въ покаяніе; но идущій за мною сильнѣе меня; я не достоинъ понести обувь Его. Онъ будетъ крестить васъ Духомъ Святымъ и огнемъ“ (Αὐτὸς ὄψας βαπτίζει ἐν Πνεύματι Ἁγίῳ καὶ πυρὶ: Мф. III, 11)—передаются коротко такъ: „я очищаю васъ водою, но сдѣлать васъ совершенно чистыми можетъ только *духъ Божій въ васъ самихъ*“ (SS. 3—4)¹⁾. И вотъ, всѣ эти „слова Іоанна о томъ, что люди должны измѣнить свою жизнь, чтобы наступило царство Божіе, и что люди могутъ очиститься только духомъ Божиимъ, глубоко западаютъ въ душу Іисуса. И чтобы обдумать все, что воспринялъ онъ отъ Іоанна, Іисусъ не возвратился домой, а остался въ пустынѣ“. Особенное вниманіе Его привлекла мысль Іоанна объ „очищеніи духомъ“. „Что значитъ очиститься духомъ Божиимъ“? думалъ Іисусъ. Если это значитъ жить не для собственнаго тѣла, а для духа Божія, то (въ такомъ случаѣ), конечно, наступило бы царство Божіе, ибо духъ Божій одинъ и тотъ же во всѣхъ людяхъ. Если бы всѣ люди захотѣли жить въ духѣ, то всѣ люди были бы едино, и царство Божіе наступило бы. Однако люди не могутъ жить только въ духѣ; они должны жить также и тѣломъ. Но когда они будутъ жить для тѣла, тѣлу служить, о немъ за-

торый „приготовить путь“ Ему, Толстой открылъ мысль, усвояемую имъ проповѣди Іоанна, о равенствѣ всѣхъ людей въ наступающемъ царствѣ Божіемъ.

¹⁾ Странная, пока еще совершенно непонятная мысль эта о какомъ-то „духѣ Божіемъ“ въ человѣкѣ, очищающемъ его, какъ видимъ, ни мало не отвѣчаетъ евангельскому тексту; но за то она очень нужна Толстому, въ чемъ мы сейчасъ убѣдимся.

ботиться, то всё они будутъ жить обособленно, будутъ жить такъ, какъ они и теперь живутъ, и царство Божіе никогда не придетъ. Что же дѣлать? думалъ Иисусъ. Жить только въ духѣ невозможно, а жить для тѣла, какъ теперь живутъ люди, есть зло, и если такъ будетъ итти жизнь, то всё будутъ жить разрозненно, и царство Божіе никогда не придетъ. Что дѣлать? Умертвить свое тѣло, думалъ Иисусъ, нельзя, ибо духъ живетъ въ тѣлѣ по волѣ Божіей. Умертвить себя значило бы поступить противъ воли Божіей. Такъ обсудивъ все это, онъ сказалъ себѣ: итакъ слѣдуетъ, что нельзя жить однимъ духомъ, такъ какъ духъ обитаетъ въ тѣлѣ. Съ другой стороны, нельзя жить и только тѣломъ, тѣлу служить, какъ дѣлаютъ всё люди. Освободиться отъ тѣла, умертвить себя—также нельзя, ибо духъ живетъ въ тѣлѣ по волѣ Божіей. Итакъ, что же нужно дѣлать? Нужно дѣлать одно: жить въ тѣлѣ, какъ Богъ того хочетъ, но, живя въ тѣлѣ, служить не тѣлу, а Богу“. Послѣ такого рѣшенія Иисусъ оставилъ пустыню и отправился проповѣдывать Свое ученіе въ города и села (SS. 5—6)¹⁾.

¹⁾ Было бы совершенно напраснымъ трудомъ искать въ Евангеліяхъ какого нибудь указанія на всё эти приписываемыя Толстымъ Иисусу Христу размышленія по поводу ученія Іоанна объ „очищеніи духомъ“. И смыслъ проповѣди І. Крестителя (по крайней мѣрѣ въ значительной части своей), и отношеніе къ ней Господа Христа, и всё эти, нарочно приведенныя нами въ буквальномъ видѣ, подробности якобы уясненія Имъ Себѣ этого ученія въ пустынь—плодъ тенденціознаго ложнаго толкованія Толстымъ относящихся сюда мѣстъ Евангелій и, въ частности, еванг. повѣствованія объ искушеніи Господа Иисуса Христа отъ діавола въ пустынь (Толстой цитируетъ Мѣ. IV, 3—10 и Лк. IV, 3—15). Ср. его „Соединеніе, перев. и изслѣд. 4-хъ Евангелій“, ч. I, стр. 44—63, и „Кратк. излож. Евангелія“, стр. 3—4.

Такъ объясняетъ Толстой дѣтямъ явленіе въ міръ Господа Іисуса Христа и происхожденіе и сущность Его ученія. Обыкновенный человѣкъ, сынъ плотника Іосифа, Іисусъ (не Христосъ и не Сынъ Божій, чудесно родившійся отъ Духа Святаго и Маріи Дѣвы) былъ глубоко заинтересованъ проповѣдью Іоанна въ пустынѣ о приближеніи новаго царства—„царства Божія“, характерною особенностью котораго будетъ равенство всѣхъ людей, а необходимымъ условіемъ для водворенія его на землѣ—возрожденіе людей чрезъ какого то духа Божія, живущаго въ нихъ. Обдумавъ все это наединѣ, въ пустынѣ, Іисусъ исполнилъ себѣ это ученіе и пошелъ съ проповѣдью о немъ къ своимъ соотечественникамъ.

Никто, конечно, не станетъ оспаривать, что въ такой формѣ величайшая тайна явленія въ міръ Сына Божія, освобожденная, дѣйствительно, отъ всѣхъ своихъ таинственныхъ покрововъ, можетъ быть доступною и дѣтскому пониманію ¹⁾. Въ такомъ „упрощеніи“ и идти дальше некуда. Но иной вопросъ: кто имѣетъ право, якобы въ педагогическихъ цѣляхъ, такъ „упрощать“ евангельскія истины—измѣнять самую сущность ихъ? ²⁾. Никакія, конечно, педагогическія цѣли, въ смыслѣ возможно большаго приближенія евангельской исто-

¹⁾ Чего однако нельзя сказать о Толстовскомъ ученіи Іоанна объ „очищеніи“ людей живущимъ въ нихъ духомъ Божиимъ“. Этотъ пунктъ, какъ ни подробно останавливается на немъ Толстой, все же остается неяснымъ.

²⁾ См. Лк. I, 26—38. Мѣ. I, 18—25. Толстой цитируетъ только Мѣ. I, 18. Но вѣдь и въ этомъ стихѣ опредѣленно сказано: ἀφρέθη ἐν γαστρὶ ἑχούτα ἐκ Πνεύματος Ἁγίου. Конечно, Толстому не оставалось ничего другого, какъ послѣднія три слова стиха выбросить, что онъ и сдѣлалъ въ переводѣ этого стиха въ своемъ „Евангеліи“. См. „Соединеніе, переводовъ и изслѣдованіе 4-хъ Евангелій“, ч. I, стр. 33. Такъ же поступилъ онъ и съ Лк. I, 26—79.

ріи къ дѣтскому пониманію, которыя здѣсь яко бы имѣются въ виду, не могутъ служить оправданіемъ для такого искаженія евангельскаго текста. Но въѣдъ такихъ цѣлей, такой задачи здѣсь нельзя и ставить, выходя изъ соображеній педагогическаго же характера: чудо безсѣменнаго зачатія Христа Спасителя отъ Духа Святаго и Маріи Дѣвы для ума взрослого человѣка должно представляться болѣе страннымъ и непостижимымъ, чѣмъ для простой чистой души дитяти, еще невѣдущей „естества уставовъ“. Здѣсь, въ этой невинной дѣтской душѣ—такая цѣльная благодатная почва для воспріятія и возрастанія сѣмянъ столь необходимой человѣку вѣры, что именно съ педагогической точки зрѣнія было бы коренною ошибкою воспитанія не воспользоваться этимъ временемъ и этимъ свойствомъ дѣтскаго существа для надлежащаго развитія въ немъ религіозныхъ потребностей его души, а въ связи съ ними и началъ нравственной жизни его. Правда, и Толстой и издатель нѣмецкаго перевода его книжки Шмиттъ имѣютъ въ виду ту же цѣль—дать руководство именно для *правильнаго*, по ихъ мнѣнію, религіозно-нравственнаго развитія дѣтей на основѣ ученія Христа. Однако между точкою зрѣнія Толстого и прінятою всѣми вѣрующими во Христа есть глубокое различіе тотъ христіански-религіозный элементъ, который долженъ служить надежнымъ базисомъ для нравственнаго развитія дитяти, въ Толстовскомъ „ученіи Христа“ получаетъ слишкомъ своеобразное содержаніе, ничего общаго съ Евангельскимъ ученіемъ Христа не имѣющее. На мѣсто личнаго Бога—Отца, посланнаго Имъ въ міръ единороднаго Сына Его и общаго Христомъ ученикамъ и нпспосланнаго Духа Святаго, на мѣсто великой тайны искупленія міра и всего того, что было связано съ нею во дни земной жизни Господа и что можетъ быть воспринято лишь одною вѣрою, Толстой ставитъ свою „религію“. Въ ней есть и

подкупающая на первыхъ порахъ якобы религіозная „терминологія“, которая взята имъ изъ Евангелій; это—выраженія: „Богъ“, „отецъ“, „сынъ Божій“, „сынъ человѣческій“, „духъ“, „духъ Божій“, „духъ истины“ и др. Однако одними этими выраженіями все заимствованіе Толстого изъ евангельскаго ученія, въ догматической части его, и ограничивается: содержаніе въ нихъ вложено Толстымъ свое, не только не отвѣчающее ученію Христову, но прямо направленное къ отрицанію его въ самомъ корнѣ его.

Чтобы достичь цѣли, Толстому пришлось не мало потрудиться надъ евангельскимъ текстомъ. Излагая ученіе Христа, онъ чувствуетъ твердую почву для себя лишь до тѣхъ поръ, пока ему приходится заниматься пересказомъ притчей и различныхъ наставленій Господа, имѣющихъ нравственно-руководственный характеръ. Но какъ быть тамъ, гдѣ Господь Іисусъ Христосъ говоритъ о Себѣ, какъ Сынѣ Божіемъ, о Своемъ отношеніи къ Богу Отцу, о Своемъ божественномъ посланничествѣ въ міръ, о Духѣ Святомъ и т. д.? Какъ быть съ многочисленными чудесами, которыми полна Его земная жизнь? Здѣсь уже задача для Толстовскаго изложенія евангельской исторіи осложняется и становится по мѣстамъ очень трудною. Правда, относительно чудесъ легко найти желанный выходъ: это—совершенно не говорить о нихъ дѣтямъ. И Толстой въ этомъ направленіи вполнѣ послѣдователенъ: въ своей книжкѣ онъ не дастъ мѣста ни одному изъ чудесъ евангельской исторіи. Что же касается догматической стороны ученія Христова, то чтобы перевести ее на языкъ дѣтей, въ сферу яко бы дѣтскаго представленія и пониманія, Толстому приходится пользоваться тѣми способами и приѣмами, какіе отчасти уже провидѣлись передъ нами на первыхъ же страницахъ его книжки, именно—искажать евангельскій текстъ: выбрасывать одно, вставлять другое, или же давать точнымъ евангельскимъ

словамъ свое толкованіе, совершенно имъ не отвѣчающее ¹⁾. Въ своемъ сочиненіи „Соединеніе, переводъ и изслѣдованіе четырехъ евангелій“ Толстой пускается при этомъ въ подробныя разъясненія, пытаясь по мѣстамъ обставить свои тенденціозныя толкованія даже мнимою эрудиціею; здѣсь же, въ простомъ пересказѣ для дѣтей, онъ этого, конечно, уже и не считаетъ нужнымъ дѣлать, предлагая крестьянскимъ дѣтямъ своей школы и всѣмъ вообще желающимъ пользоваться его книжкою свое измышленное „ученіе Христа“ докторальнымъ тономъ. Вотъ еще нѣсколько примѣровъ такого Толстовскаго пересказа глубочайшихъ истинъ, открытыхъ міру Христомъ Сыномъ Божіимъ.

Извѣстная рѣчь Господа о Себѣ и Своемъ ученіи, сказанная Имъ у сокровищницы храма (Толстой цитируетъ: Ін. VIII, 12—29), здѣсь такъ передается. „Онъ сказалъ, мое ученіе—свѣтъ міру. Кто принимаетъ его, тотъ не будетъ ходить во тьмѣ, но будетъ ясно видѣть, что добро и что зло. *И учу тому, чему учить каждого человека мой отецъ, духъ, который меня послалъ*“ ²⁾. Они сказали: „гдѣ твой отецъ?“

¹⁾ Въ своемъ „Краткомъ изложеніи Евангелія“ самъ Толстой объ этомъ такъ говоритъ: „читатель долженъ помнить, что не только не предосудительно *откидывать изъ евангелій ненужныя мѣста*, освѣщать одни другими, но, напротивъ того, *неразумно не дѣлать этого*, а считать извѣстное число стиховъ и буквъ священными“ (См. „Предисловіе“, стр. IX). Иначе говоря, съ евангельскимъ текстомъ каждый можетъ дѣлать, подобно самому Толстому, что ему угодно: „откидывать“ все, что покажется „ненужнымъ“ здѣсь, и вставлять „нужное“ отъ себя.

²⁾ Ни этихъ словъ, подчеркнутыхъ нами, ни хотя бы приблизительно такихъ въ Ін. VIII, 12—29 нѣтъ. Безъ справокъ въ „Евангеліи“ самого Толстого нельзя даже сказать, какой стихъ цитируемаго имъ мѣста изъ Евангелія Іоанна разумѣтъ здѣсь Толстой. Такъ стихи 16 и 18, оба заканчивающіеся словами: *ὁ πατήρ* Με Πατήρ и этимъ, по созвучію, какъ бы напомнимъ

Онъ отвѣчалъ: „если бы вы знали меня, то знали бы также и отца моего“. И сказали они ему: „кто же тогда ты?“ Онъ сказалъ: „я *тотъ духъ, который не имѣлъ начала и не будетъ имѣть конца. Я сынъ человѣческій, но своимъ отцомъ признаю духа Божія* ¹⁾. Когда вы возвеличите въ себя сына человѣче-

нающіе слова Толстого, имѣютъ совершенно другое содержаніе. Ст. 16: „а если и сужу Я, то судъ Мой истиненъ, потому что Я не одинъ, но Я и Отецъ, пославшій Меня“. Ст. 18: „Я Самъ свидѣтельствую о Себѣ, и свидѣтельствуешь о Мнѣ Отецъ, пославшій Меня“ (Ἐγὼ εἰμι ὁ μαρτυρῶν περὶ ἑαυτοῦ, καὶ μαρτυρεῖ περὶ Ἑμοῦ ὁ πατήρ). И въ подробномъ изслѣдованіи Евангелій самого Толстого оба эти стиха переведены безъ искаженія смысла ихъ и именно—въ ст. 18 только слово „свидѣтельствую“ замѣнено словомъ „показываю“ (см. „Соед., перев. и изсл. 4-хъ Евангелій“, ч. II, стр. 129). Но въ его „Краткомъ излож. Евангелій“ этотъ же 18-й стихъ уже такъ передается: „кромѣ того я не одинъ учу, а тому же самому учить Отецъ мой—духъ“ (см. стр. 36 и 96),—т. е. близко къ тому, что встрѣчаемъ мы въ его дѣтскомъ пересказѣ „ученія Христова“. Какъ ясно видно изъ евангельскаго текста, въ стихѣ этомъ нѣтъ рѣчи объ *ученіи* Иисуса Христа и пославшаго Его какого то *духа*, а говорится о *свидѣтельствѣ* о Немъ—Его Самого и Отца Его. Толстой не только совершенно искажаетъ текстъ Евангелія, но при этомъ, чего нельзя не отмѣтить здѣсь, но остается вѣренъ и тому переводу, какой самъ же онъ далъ этому стиху въ своемъ изслѣдованіи Евангелій. Но конечно, съ точки зрѣнія самого Толстого, позволяющаго и даже рекомендующаго дѣлать съ евангельскимъ текстомъ, что кому угодно. все это не имѣетъ никакого значенія.

¹⁾ Въ Евангеліи Іоанна соответствующее мѣсто читается такъ: „Тогда сказали Ему: кто же Ты? Иисусъ сказалъ имъ: отъ начала сущій (въ славянскомъ переводѣ: *начатокъ*), какъ и говорю вамъ (τὴν ἀρχήν, ὃ τι καὶ λαλῶ ὑμῖν: Ін. VIII, 25). Въ своемъ „Соедин., перев. и изслѣд. 4 Еванг.“ Толстой этотъ стихъ такъ переводитъ: „И сказалъ имъ Иисусъ: прежде всего я то, что говорю вамъ“ (ч. II, стр. 130). Въ „Кратк. излож. Еванг.“ уже нѣсколько иначе: „Онъ сказалъ: съ самаго начала говорю вамъ:

скаю¹⁾, тогда узнаете, кто я, и поймете, что я ничего не дѣлаю и не говорю отъ себя, но дѣлаю и говорю лишь то, чему научилъ меня отецъ“ (SS. 63—64).

Я сынъ человѣческій, признающій Отцомъ своимъ духъ“ (стр. 36). Какъ видимъ, опять мы имѣемъ дѣло съ Толстовскими „вариантами“: всѣ три различны, причемъ въ разсматриваемомъ нами дѣтскомъ изложеніи „ученія Христа“ на вопросъ іудеевъ І. Христосъ отвѣчаетъ, что Онъ—„вѣчный духъ“, что какъ будто ближе стоитъ къ евангельскому тексту („отъ начала сущій“), чѣмъ переводъ этого мѣста въ Толстовскихъ „Евангеліяхъ“—и пространномъ и краткомъ. Но добавленіе къ этому: „Я сынъ человѣческій, но своимъ отцомъ признаю духа Божія“ является совершенно неожиданнымъ и ровно ни на чемъ не основаннымъ. Въ „Соедин. перев. и изслѣд. 4 Еванг.“ этихъ словъ въ 25 стихѣ нѣтъ, а стихъ 26-й Толстой находитъ „нужнымъ“ выпустить (стр. 130—131), вслѣдствіе неискренности его. Между тѣмъ добавленіе это чрезвычайно важно. Оно даетъ то, чего нѣтъ не только въ этомъ мѣстѣ рѣчи Спасителя, но и нигдѣ въ Евангеліяхъ. Христосъ по Толстому, называетъ Отцомъ Своимъ не Бога, а какого то „духа Божія“. Что это за „духъ Божій?“ Очевидно, это тотъ же „живущій въ каждомъ человѣкѣ и очищающій его отъ грѣха духъ Божій“, о которомъ, по Толстому, проповѣдывалъ еще Іоаннъ Креститель и о которомъ, услышавъ проповѣдь Іоанна, размышлялъ І. Христосъ въ пустынѣ. Кто или что это, Толстой здѣсь не объясняетъ, говоритъ же объ этомъ „духѣ“ много разъ и въ другихъ мѣстахъ своего „ученія Христа“.

1) Ὁταν ὑψώσῃτε τὸν Υἱὸν τοῦ Ανθρώπου—„когда вознесете Сына Человѣческаго“ (Ин. VIII, 28). Такъ переведено и въ Толстовскомъ „Изслѣд. 4 Еванг.“ (ч. II, стр. 131). Однако, очевидно, смыслъ этого перевода у Толстого совершенно не отвѣчаетъ общепринятому—„церковному“. Смыслъ этотъ переданъ въ его „Кратк. излож. Еванг.“: „и когда возвеличите въ себѣ сына человѣческаго“ (стр. 36),—что, какъ видимъ, тождественно и съ пересказомъ этого мѣста въ его дѣтскомъ изложеніи „ученія Христа“. Толстой позволяетъ себѣ сдѣлать въ словахъ Спасителя, повидимому, лишь незначительную вставку отъ себя, именно—прибавляетъ къ нимъ слова „въ себѣ“ („когда вознесете, т. е. по Толстому возвели-

Далѣе, совершенно произвольно соединяя въ одну рѣчи Господа изъ Ин. X, 24—38 и VIII, 34—59¹⁾, Толстой влагаетъ въ уста Иисуса Христа, между прочимъ, такой отвѣтъ іудеямъ, готовымъ побить Его камнями: „я сказалъ, я сынъ Божій и соединяюсь съ отцомъ, когда исполняю волю

чите—въ себѣ—Сына Человѣческаго“) Для чего же понадобилось Толстому это прибавленіе? Неужели только для облегченія дѣтямъ пониманія смысла этихъ словъ Спасителя? Но вѣдь смыслъ ихъ, если принять обычное толкованіе ихъ—какъ указаніе Господомъ на предстоящую Ему крестную смерть—такъ просто, что его легко пойметъ всякій ребенокъ. Между тѣмъ вставка Толстого только затемняетъ его. Что значать слова: „когда вы вознесете (возвеличите) въ себѣ сына человѣческаго?“ Выраженіе настолько туманное, что, безъ сомнѣнія, должно вызвать недоумѣніе не только у ребенка, но и въ умѣ взрослого человѣка. Притомъ разрѣшить это недоумѣніе совсѣмъ не легко. Понадобятся, быть можетъ, разъясненія дѣтямъ очень обширныя, которыя могутъ принять у различныхъ педагоговъ, особенно если они плохо ознакомились съ „религіей“ Толстого, пожалуй, и не одинаковый смыслъ. Итакъ, очевидно, не въ дѣтскомъ упрощеніи евангельскаго ученія Христова здѣсь цѣль Толстого, а въ предвзятомъ тенденціозномъ искаженіи въ немъ всего, что хоть сколько нибудь выходитъ изъ предѣловъ „общечеловѣческаго“. Христосъ, какъ человѣкъ, хотя бы и идеальнѣйшій, не могъ такъ просто, увѣренно и главное—съ такою точною опредѣленностью говорить о никому изъ людей невѣдомомъ будущемъ. Допустить это было бы непоследовательностью со стороны Толстого, въ частности же въ пересказѣ ученія Христова дѣтямъ допустить это значило бы вызвать съ ихъ стороны такіе вопросы, отвѣтить на которые можно только указаніемъ на божественную сторону личности Христа. Естественно, что такой непоследовательности не позволилъ себѣ Толстой и совершенно измѣнилъ смыслъ простыхъ словъ Христа.

1) Такъ цитируетъ эту главу въ своей книгѣ самъ авторъ, и такое соединеніе является также однимъ изъ обычныхъ приѣмовъ Толстого, не стѣсняющагося ничѣмъ въ своемъ пересказѣ ученія Христова. Последовательность рѣчей Господа, время, мѣсто ихъ и т. п., повидимому, не имѣютъ для Толстого никакого зна-

Его ¹⁾). Кто признает себя сыном Божиимъ, тотъ перестаетъ быть рабомъ и получаетъ вѣчную жизнь. И какъ рабъ не навсегда остается въ домѣ господина, а сынъ навсегда, такъ и человѣкъ, если онъ живетъ въ духѣ. Онъ соединяется съ отцомъ и живетъ вѣчно ²⁾). Истинно говорю вамъ, кто пре-

ченія. Онъ задается цѣлью передать къ извѣстной, яко бы евангельской, формѣ то, что представляется ему полезнымъ для дѣтей, и вотъ, не задумываясь надъ евангельскимъ текстомъ, беретъ изъ него до извѣстной степени отвѣчающія его цѣлямъ мѣста и кроитъ изъ нихъ, что ему угодно, разрывая и соединяя текстъ вполне произвольно, руководясь лишь своею идеею.

¹⁾ Откуда взялъ эти слова Толстой? Въ Ин. X, 34—38, гдѣ нужно бы искать ихъ, мы ихъ не находимъ. Нѣтъ этихъ словъ и въ другомъ отрывкѣ—Ин. VIII, 34—59, къ которому непосредственно послѣ этого переходитъ Толстой, чтобы, вырвавъ и отсюда нѣсколько фразъ, представить все это въ формѣ одной цѣльной рѣчи Иисуса Христа.

²⁾ Въ относящихся, повидимому, сюда 34—36 стихахъ 8-й главы Евангелія Іоанна читаемъ: „Иисусъ отвѣчалъ имъ: истинно, истинно говорю вамъ: всякій, дѣлающій грѣхъ, есть рабъ грѣха; но рабъ не пребываетъ въ домѣ вѣчно: сынъ пребываетъ вѣчно; итакъ, если Сынъ освободитъ васъ (ἐάν ὁ υἱὸς ἰδεῖς ἐλευθερώσῃ), то истинно свободны будете“. Можно ли, хотя бы путемъ отдаленныхъ логическихъ заключеній, вывести изъ этихъ словъ Христа Спасителя тотъ смыслъ, какой усваиваетъ имъ Толстой? Ясно, о какомъ Сынѣ, пребывающемъ вѣчно въ домѣ Отца и потому имѣющемъ силу и власть освободить человека отъ рабства грѣху, говоритъ Христосъ. Толстой, боясь признать за Христомъ такую Божескую власть, конечно, долженъ былъ или опустить это мѣсто въ Его рѣчи или совершенно измѣнить его, соответственно своей „религiи“. Онъ сдѣлалъ послѣднее, и вотъ на мѣсто Сына Божія—Христа у него явился сынъ Божій—всякій человѣкъ, „живущій въ (какомъ то) духѣ“ и тѣмъ освобождающійся отъ грѣха, соединяющійся съ „отцомъ“ (съ какимъ?) и живущій вѣчно. Метафизика слишкомъ туманная вообще, чтобы можно было рассчитывать путемъ какихъ-нибудь разъясненій приблизить ее еще къ дѣтскому пониманію. Ср. „Соед., перев. и

бываетъ въ словѣ моемъ, тотъ не увидитъ смерти вѣкъ“. На возраженіе іудеевъ противъ этого, что даже и Авраамъ и пророки умерли, Іисусъ сказалъ: „истинно, истинно говорю вамъ: еще прежде, чѣмъ былъ Авраамъ, я былъ“¹⁾. Послѣ этого, наконецъ, Толстой находить нужнымъ прибавить нѣсколько словъ въ разъясненіе всего этого, какъ видимъ, весьма туманнаго и потому совершенно непонятнаго ученія якобы Христа. „Іисусъ говорилъ тогда, поясняетъ Толстой, о *духѣ Божіемъ, который жилъ въ немъ и живетъ въ каждомъ человѣкѣ и который не имѣетъ ни начала ни конца*. Но они не поняли его“ (SS. 65—66).

Полагаемъ, что не поняли бы и послѣ такого разъясненія, какое предложилъ здѣсь Толстой. Въ самомъ дѣлѣ, не думаетъ ли онъ, что послѣ этихъ словъ его должна упасть

изслѣд. 4 Еванг.“ ч. II, стр. 132—133: Толстой 36-й стихъ считаетъ „неяснымъ“ и даетъ свое „разъясненіе“ его.

1) Очевидно, приводятся стихи 51 и 58, но смыслъ ихъ долженъ пониматься дѣтьми, конечно, въ духѣ той же таинственной Толстовской „религіи“. Въ своемъ „Соед. перев. и изслѣд. 4 Еванг.“ Толстой Ин. VIII, 51 такъ переводитъ: „истинно говорю вамъ: ели кто *разумнѣе* мое постигнетъ (*ἐάν τις τὸν λόγον τὸν ἑρὼν ἀκούῃ*: „аще кто слово Мое *соблюдеть*“), но увидитъ смерти вѣкъ.“ Смыслъ же всего этого мѣста въ рѣчи Господа Толстымъ такъ „разъясняется“: „тотъ, кто въ себѣ возвеличилъ сына человеческого—*разумнѣе*, тотъ получитъ жизнь и не умретъ, потому что это *разумнѣе есть Богъ* и другого нѣтъ, и что онъ (Христосъ) не можетъ скрыть его, если бы и хотѣлъ. Когда они говорятъ: „какъ же не умретъ“, онъ говоритъ, что разумнѣе есть одно, что оно есть и было прежде Авраама, что оно вѣ въ вѣмъ“ (ч. II, стр. 135—136) Можно бы спросить: неужели Толстой серьезно считаетъ всю эту „религіозную философію“ свою, хотя бы и при свѣтѣ такихъ его собственныхъ разъясненій, болѣе доступною дѣтскому пониманію и болѣе полезною для нравственнаго воспитанія дѣтей, чѣмъ евангельское ученіе Іисуса Христа въ обычномъ „церковномъ“ толкованіи его?

повязка съ глазъ читающихъ или слушающихъ его книжку дѣтей (да и дѣтей ли только?), и они поймутъ всю ту путаницу отвлеченныхъ философскихъ идей, которою хочетъ Толстой замѣнить совершенно доступное, при всей высотѣ его, всякому вѣрующему сердцу и дитяти и взрослого человека учение Христа о живомъ личномъ Богѣ Отцѣ и о Себѣ, какъ Сынѣ Божиѣмъ и потому имѣющемъ ту же Божескую силу и власть? Гдѣ есть образность, наглядность, тамъ педагогія на вѣрномъ пути къ легкому и прочному усвоенію дѣтьми предлагаемаго имъ знанія. Такимъ именно характеромъ и отличается учение Господа Иисуса Христа—и не только тамъ, гдѣ облечено оно въ форму наглядныхъ примѣровъ, сравненій, притчей, но даже и въ наиболѣе возвышенной и таинственной области своей, а именно потому, что дѣтскому представленію совершенно доступны образы—не отвлеченныя понятія или идеи, а именно образы—живого личнаго Бога Отца и такого же сына Его. Поставьте на мѣсто ихъ то, чему учитъ Толстой якобы отъ имени Христа, и что получается?

Есть какой то духъ Божій, не имѣющій ни начала, ни конца и живущій въ каждомъ человѣкѣ. Если человѣкъ „живетъ въ этомъ духѣ“ (т. е. согласно его указаніямъ?), то онъ—сынъ Божій, освобождается отъ грѣха, соединяется съ отцомъ (т. е. съ Богомъ?) и живетъ вѣчно. Такимъ сыномъ Божиимъ и былъ Христосъ. Вотъ вся „религія“ Толстого, поскольку можно представить ее, синтезировавъ относящіяся сюда уже извѣстныя намъ отдѣльныя выраженія его, усвояемыя имъ Христу. Въ какого „Бога“ вѣруетъ Толстой, т. е. какъ понимать этого „Бога“ его, „отца всѣхъ людей“? Повидимому, это не личное существо, а какая то сила, разлитая во всемъ мірѣ, или какое то начало жизни, совершенно непонятное въ томъ толкованіи, какое даетъ ему здѣсь Толстой. Что такое, далѣе, тотъ „духъ Божій“, который живетъ въ душѣ каждого человѣка? Какъ узнать

въ себѣ велѣнія этого „духа“, чтобы жить согласно съ ними? Если бы голосъ его былъ и понятенъ человѣку, то почему человѣкъ долженъ непременно повиноваться ему: на чемъ основывается авторитетъ этого „духа“, да и самого „Бога“, какъ представляетъ его Толстой? Откуда такая всемогущая сила этого „духа“, которую человѣкъ можетъ освободиться отъ грѣха? Что это за соединеніе съ отцомъ и вѣчная жизнь? На всѣ эти вопросы Толстой не даетъ отвѣта здѣсь, въ своемъ дѣтскомъ изложеніи „ученія Христова“, предполагая, очевидно, обязательнымъ для каждого, желающаго руководиться этою его книжкою при религіозномъ наставленіи дѣтей, предварительное подробное знакомство съ его „религіозною философіей“ по другимъ сочиненіямъ его. Однако и обратясь къ нимъ, найдемъ ли мы у Толстого тотъ ясный и опредѣленный отвѣтъ на всѣ эти вопросы, какой не только желателенъ, но прямо необходимъ для того, чтобы идти вслѣдъ за нимъ въ построеніи жизненнаго міровоззрѣнія на религіозныхъ и притомъ якобы христіанскихъ основахъ? Вотъ, напр., нѣсколько, повидимому, довольно выразительныхъ изъ относящихся сюда мыслей Толстого, которыя мы позволимъ себѣ привести здѣсь, чтобы до нѣкоторой степени припомнить его „религію“, претендующую называться христіанскою.

„Всѣ не могутъ не признавать того, говорить онъ, что всѣ произошли и находятся въ зависимости отъ одного и того же начала, которое Христосъ называетъ Отцомъ, и что смыслъ нашей жизни въ томъ, чтобы исполнять Его волю, волю этого начала, и употреблять жизнь на то самое дѣло, для котораго она дана намъ“¹⁾. Что разумѣетъ Толстой подъ этимъ началомъ, которое называетъ также „Бо-

¹⁾ „О смыслѣ жизни. Мысли Л. П. Толстого, собр. Вл. Чертковымъ“, СПб. 1906, стр. 39 и мн. др.

гомъ"? Это — „существо“, но не личность. „Говорятъ: Бога надо понимать какъ личность. Въ этомъ большое недоразумѣніе: *личность есть ограниченіе*. Человѣкъ чувствуетъ себя личностью только потому, что онъ соприкасается съ другими личностями. Если бы человѣкъ былъ одинъ, онъ бы не былъ личностью... Но какъ же про Бога сказать, что Онъ личность, что Богъ личный. Въ этомъ корень антропоморфизма“ ¹⁾. „Мѣстоимѣніе *онъ* уже нѣсколько нарушаетъ для меня Бога. „Онъ“ какъ то умаляетъ Его“ ²⁾. Это—„Кто-то“, „Что-то“, „не часть, а начало началъ“ ³⁾. „Чтобы знать Бога и опираться на Него, нужно понимать Его *наполняющимъ все и вмѣстѣ съ тѣмъ единымъ*“ ⁴⁾. Но какъ же представлять это „наполненіе Богомъ всего“? Что это значить: „Онъ— все, Отецъ“? ⁵⁾. „Вы говорите, что я какъ будто не признаю Бога. Тутъ недоразумѣніе. Я ничего не признаю кромѣ Бога... Богъ это то все, безконечное все, чего я сознаю себя частью. И потому все во мнѣ граничить Богомъ“ ⁶⁾... Нельзя сказать, чтобы этими и другими такими же выраженіями Толстой хотъ сколько нибудь прояснить свою идею „наполненія Богомъ всего“. Въ какомъ отношеніи находится этотъ Богъ его къ міру и человѣку?

„Одно изъ самыхъ путающихъ всѣ наши метафизическія понятія суевѣрій, говорить Толстой, есть суевѣріе о томъ, что міръ сотворенъ, что онъ произошелъ изъ ничего

¹⁾ „Мысли о Богѣ Льва Толстого“, СПБ. 1906, стр. 15; ср. стр. 9, 13—14. Личность, какъ единство самосознанія и высшая форма бытія, отнюдь не можетъ быть признана ограниченіемъ идеи Бога.

²⁾ Тамъ же, стр. 4.

³⁾ Тамъ же, стр. 5.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 16.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 20.

⁶⁾ Тамъ же, стр. 21.

и что есть Богъ творящій ¹⁾, Въ сущности мы не имѣемъ никакого основанія предполагать Бога творца и никакой нужды (китайцы и индѣйцы не знаютъ этого понятія) ²⁾, а между тѣмъ Богъ творецъ и промыслитель не можетъ совмѣститься съ христіанскимъ Богомъ—отцомъ, Богомъ—духомъ... Богомъ—любовью“ ³⁾. Послѣднія слова особенно характерны: они показываютъ, какъ удивительно „своеобразно“ понимаетъ Толстой христіанство. Однако какъ же все-таки представлять Бога и міръ въ ихъ взаимоотношеніяхъ? Человѣкъ, по Толстому, часть Бога. „Я—часть, Онъ все. Я себя не могу иначе понимать, какъ часть Его“ ⁴⁾... Я весь окруженъ Имъ, отъ Него пришелъ, къ Нему иду, составляю часть Его, дѣтище Его“ ⁵⁾. Объ этомъ отношеніи человѣка къ Богу, какъ части къ цѣлому, Толстой много разъ говоритъ. Однако что это за *частичность*? „Богъ во мнѣ. Но Богъ безконечное начало: какъ же, зачѣмъ Онъ очутился во мнѣ?“... „Богъ—это неограниченное все то, что я знаю въ себѣ ограниченнымъ: я—тѣло ограниченное, Богъ—тѣло (!) безграничное; я—существо, жившее 63 года, Богъ—существо, живущее вѣчно... Почему то ограниченная частица Бога составляетъ наше дѣйствительное я“ ⁶⁾. Въ этомъ раздѣленіи безконечнаго цѣлаго на части и заключается жизнь.

¹⁾ Напротивъ, только эта идея о сотвореніи міра Богомъ и можетъ легко распутать всѣ наши метафизическія блужданія вокругъ неизбѣжнаго вопроса о происхожденіи міра.

²⁾ Основаній множество, а нужда неотложная. Китайцы же и индѣйцы съ ихъ конфуціанствомъ и даосизмомъ, браманствомъ и буддизмомъ могутъ служить доказательствомъ лишь для Толстого, преклоняющагося предъ религіозною философійю востока.

³⁾ Тамъ же, стр. 8.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 7.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 10.

⁶⁾ Тамъ же, стр. 7 и 17.

„Зачѣмъ Богъ раздѣлился самъ въ себѣ? Не знаю, но знаю, что это есть, что въ этомъ жизнь. Все, что мы знаемъ, есть не что иное, какъ только такое же дѣленіе Бога. Все, что познаемъ, какъ міръ, есть познаніе этихъ дѣленій. Наше познаніе міра (то, что мы называемъ матеріей въ пространствахъ и во времени) это—соприкосновеніе предѣловъ нашего Божества съ другими Его дѣленіями“¹⁾.

Итакъ, у Толстого получается, какъ будто, отождествленіе Бога съ міромъ, по существу. Это одна субстанція: Богъ—все, цѣлое; міръ—это лишь части, частичныя дѣленія одного цѣлаго, одной и той же сущности, одной силы, одного начала. Если такъ, то что же значитъ подчиняться волѣ этого Бога и какъ можно не подчиняться ей, если человѣкъ—это тотъ же Богъ, только, такъ сказать, въ частичномъ видѣ Его? Между тѣмъ Толстой говоритъ объ этомъ весьма часто. Какъ же понимать это подчиненіе человека волѣ Бога?

Жизнь человѣческая, по Толстому, это проявленіе одной и той же силы—силы Божіей. „Жизнь моя... есть сила Божія, есть *вся* сила жизни, которая проходитъ чрезъ меня, черезъ (ограниченное и органическое) *часть* всего, и я могу пропускать черезъ себя эту силу и могу задерживать ее. Вотъ *вся моя роль въ жизни*: задержать я не могу, но могу задерживать. Жизнь міра мнѣ представляется такъ: черезъ безчисленныя и разнообразныя трубочки стремится жидкость, или газъ, или свѣтъ. Свѣтъ этотъ есть вся сила жизни—Богъ. Трубочки эти—мы всѣ, существа... Мы можемъ совсѣмъ пропускать свѣтъ и можемъ загоразивать его на время. То, что мы называемъ своею жизнью, личной жизнью—это способность стать поперекъ свѣту—не пропускать его; истинная же жизнь есть способность стать такъ,

¹⁾ Тамъ же, стр. 17. Съ какими: съ „матеріей въ пространствахъ и времени“? Не ясно.

чтобы пропускать свѣтъ воплѣ, не задерживая его. Но когда человѣкъ сталъ такъ, движеніе его жизни кончается... Тогда онъ переноситъ свою жизнь въ то, что проходитъ черезъ него, въ Бога... Устанавливается одинаковость направленіи, движеніе прекращается, плотская личная жизнь кончается, я перехожу въ силу, проходящую черезъ меня“ ¹⁾. Какъ понять эти слова Толстого въ приложеніи ихъ къ требованію исполнить волю Божію, въ чемъ и заключается, по Толстому, смыслъ человеческой жизни? Выходитъ какъ будто такъ, что воля эта можетъ быть исполнена человѣкомъ лишь тогда, когда человѣкъ уже перестаетъ жить „плотскою личною жизнью“ и умираетъ: „трубочка“ перестаетъ стоять „поперекъ свѣту“ и становится такъ, что „свѣтъ воплѣ проходитъ черезъ нее“. Если человѣкъ въ своей жизни призванъ играть лишь одну роль—пропускать „черезъ себя“ ту силу жизни, въ которой проявляется Богъ, то очевидно онъ и долженъ это дѣлать. Между тѣмъ возможно ли это вообще, по Тоговской философіи, для человѣка въ его обыкновенной, по необходимости плотской и личной жизни? Повидимому, совершенное выполненіе такой роли своей уже равносильно смерти человѣка. Но вѣдь по смертию же, а именно жизнью своею человѣкъ долженъ выполнить волю „пославшаго его въ міръ Начала“. Толстой, рѣшая вопросъ о смыслѣ жизни, много разъ повторяетъ, что онъ заключается въ „любви къ ближнимъ“, въ „единеніи всего живого“, въ „единеніи и служеніи другъ другу“ ²⁾. Слѣдовательно, рѣчь идетъ о жизни человѣка, а не о смерти. Не разъ, далѣе, останавливается онъ и на вопросѣ о при-

¹⁾ „О смыслѣ жизни“, стр. 44—45.

²⁾ „О смыслѣ жизни“, стр. 39 и мн. др. „Мысли о воспитаніи и обученіи. Собранныя Влад. Чертковымъ“. СПб. 1906, стр. 7—8.

знакахъ „жизни по волѣ Божіей“ (а не смерти) и указываетъ таковыя ¹⁾). Получается такимъ образомъ какое то непонятное какъ бы противорѣчіе у Толстого, которое не вполне разрѣшается и наиболѣе серьезнымъ изъ философскихъ произведеній его—„О жизни“. Здѣсь онъ подробно излагаетъ свой взглядъ на жизнь—1) „истинную“, какъ на „движеніе въ высоту“, „стремленіе отъ зла къ добру“, какъ на „подчиненіе животной личности закону разума“, совершающееся „въ пространствѣ и времени“ ²⁾ и 2) жизнь „въ ходячемъ представленіи ея“, какъ „движеніе въ плоскости“ какъ „кусочекъ времени отъ рожденія и до смерти“ ³⁾, какъ „тѣ видимыя явленія, которыя происходятъ въ моемъ тѣлѣ отъ рожденія и до смерти“ ⁴⁾, и что на самомъ дѣлѣ „не есть жизнь человѣческая, а только существованіе человѣка, какъ животной личности“ ⁵⁾. Здѣсь же развивается и соответствующій взглядъ его на смерть, лишь какъ на „вступленіе въ новое отношеніе къ міру“, и на бессмертіе ⁶⁾. Не считаемъ умѣстнымъ входить здѣсь въ болѣе подробное ознакомленіе съ этою стороною міровоззрѣнія Толстого, что для нашей цѣли и не требуется ⁷⁾.

Какъ опредѣлить теперь эту религіозную философію Толстого по наиболѣе характернымъ признакамъ ея? Повидимому, она ближе всего подходитъ къ пантеизму и имен-

1) О смыслѣ жизни, стр. 16—17, 20.

2) См. „О жизни. Графа Л. Н. Толстого. Со 2 изд. „Свободныя Слова“ В. Г. Черткова“, СПб 1906, стр. 9, 15, 53, 54, 55 и мн. др.

3) Тамъ же, стр. 53 и 58.

4) Тамъ же, стр. 93.

5) Тамъ же, стр. 58.

6) Тамъ же, гл. XXVIII—XXXIII.

7) См. обстоятельный критическій разборъ у проф. А. А. Козлова: „Письма о книгѣ гр. Л. Н. Толстого „О жизни“. Вопросы философіи и психологіи 1890 г. кн. 5, 1891 г. кн. 6—8.

но въ идеалистическомъ направленіи его. Однако самъ Толстой отрицаетъ это, выясняя свое пониманіе Бога. „Про Бога можно сказать только то, говорить онъ,... что Онъ одинъ; и то одинъ не въ томъ смыслѣ, что нѣтъ другого или другихъ боговъ..., а въ томъ смыслѣ, что Онъ одноцентренъ, что Онъ не понятіе, а существо,—то, что православные называютъ (!?) *живымъ Богомъ въ противоположность Богу пантеистическому*, т. е. высшее существо духовное, живущее во всемъ“¹⁾. Итакъ, по его собственнымъ словамъ, Толстой не пантеистъ: онъ признаетъ Бога—какое то *живое духовное существо*, ссылаясь при этомъ почему то даже на „православныхъ“, между тѣмъ какъ онъ же сливаетъ этого Бога своего не только съ лучшею духовною стороною всего человѣчества, но повидимому, со всѣмъ міромъ вообще, чего ни православные и никакіе другіе хрістіане не дѣлаютъ. Что же послѣ этого представляетъ религіозное міровозрѣніе Толстого? Это какой то трудно понимаемый по своей не опредѣленности и туманности, спутанный, непослѣдовательный, усиливающийся пристегнуть къ своей пантеистической метафизикѣ высокую мораль хрістіанства браманизмъ или буддизмъ въ Толстовской формѣ²⁾.

Уже изъ этихъ бѣглыхъ выдержекъ, полагаемъ, можно видѣть, какою будто бы простою, удобопонятною философіей хочетъ Толстой замѣнить основные догматы ученія Христова и преподнести эту пантеистически туманную „религію“³⁾ свою въ формѣ рѣчей Самого Христа Спасителя

¹⁾ „Мысли о Богѣ“, стр. 15.

²⁾ Недаромъ Толстой такъ любитъ ссылаться на восточныхъ мудрецовъ—Конфуція, Будду, Браминовъ, Лаодзы и др., презрительно отосясь въ то же время къ представителямъ современной науки. См., напр., „О жизни“, стр. 18—19, 21—22, 74.

³⁾ Можно ли говорить о *религии* въ собственномъ смыслѣ этого слова безъ идеи *личнаго* Бога? Если Богъ—все и все—Богъ,

дѣтямъ Между тѣмъ ее мы находимъ въ Толстовскомъ пересказѣ „ученія Христа“ для дѣтей вездѣ, гдѣ только рѣчь идетъ о возвышеннѣйшей, догматической сторонѣ этого ученія.

Такъ, на вопросъ Иисуса Христа, обращенный къ ученикамъ: „что вы думаете о Моемъ ученіи?“ Симонъ Петръ, по словамъ Толстого, сказалъ Ему: „по моему мнѣнію ты учишь, что *въ каждомъ человѣкѣ живетъ духъ Божій* и что *поэтому каждый человѣкъ можетъ быть сыномъ Божиимъ*“ (S. 73)¹⁾

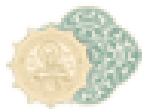
то ясно, что здѣсь нѣтъ тѣхъ двухъ субъектовъ, тѣхъ отдѣльных двухъ „я“, которые съ необходимостью мыслятся въ понятіи о „религіи“, какъ о взаимообщеніи между человѣкомъ и Богомъ, какъ объ извѣстныхъ, проникнутыхъ особымъ характеромъ отношеній между ними. Философская система, отрицающая *личнаго* Бога, уже тѣмъ самымъ уничтожаетъ, выбрасываетъ изъ своихъ построеній религіозный элементъ въ собственномъ смыслѣ; допуская же таковой, она становится въ неизбежное самопротиворѣчіе, или употребляетъ терминъ „религія“ въ какомъ нибудь другомъ смыслѣ.

1) Въ Мѣ. XVI, 16 читаемъ: „Симонъ же Петръ отвѣчая сказалъ: Ты Христосъ, Сынъ Бога живаго“ (Ὁὗ εἰς ὁ Χριστός, ὁ Υἱός τοῦ Θεοῦ τοῦ ζῶντος). Одинъ изъ примѣровъ обращенія Толстого съ евангельскимъ текстомъ: изъ признанія ап. Петромъ въ своемъ Учителѣ Христа Сына Божія Толстой сдѣлалъ признаніе ап. Петромъ *въ каждомъ человѣкѣ* духа Божія и сына Божія. Между тѣмъ въ его же „Соед., перев. и изслѣд. 4 Еванг.“ (ч. II, стр. 156) этотъ стихъ такъ переведенъ: и въ отвѣтъ сказалъ ему Семенъ, по прозванію камень: Ты Христосъ, сынъ Бога живаго“. Присоединяя сюда непосредственно Ін. VI, 68: „въ тебѣ слова вѣчной жизни“ (переводъ Толстого), оба стиха Толстой такъ поясняетъ: „Семенъ понялъ вполне то, что говорилъ о себѣ Иисусъ Христосъ, и вполне выразилъ это. Онъ сказалъ: ты то, что ты говоришь, въ тебѣ слово жизни, ты сынъ жизни, твое ученіе—жизнь“ (стр. 156—157). Какъ видимъ, здѣсь, даже и при такомъ соединеніи и толкованіи, все же нѣтъ вполне того, что дается Толстымъ въ его дѣтскомъ пересказѣ „ученія Христа“. Ср. еще „Кратк. излож. Еванг.“, стр. 41.

Въ другомъ случаѣ, рассказывая съ вымышленными подробностями о томъ, какъ Иисуса Христа хотѣли „слушать и язычники—греки (у Ин. X, 20: τινές Ἑλλήνες) и какъ Филиппъ и Андрей будтобы „боялись, что народъ озлобится на Иисуса за то, что онъ не дѣлаетъ никакого различія между іудеями и другими народами“, Толстой повѣствуетъ: „когда Иисусъ узналъ, что греки хотятъ учиться у него, онъ сначала *смутился*. Онъ зналъ что еслибы онъ не дѣлалъ никакого различія между іудеями и язычниками, то народъ озлобился бы на него. Но тотчасъ же онъ *овладѣлъ собою* и сказалъ ¹⁾: „нѣтъ никакого различія между іудеями и язычниками и *сынъ человѣческій во всѣхъ людяхъ одинъ и тотъ же*. Пусть я пострадаю изъ-за этого, но пришло время признать сына человѣческаго, признать *одною* (курсивъ этого слова—у Толстого) духа Божія во всѣхъ людяхъ“ ²⁾. „Отецъ,

¹⁾ Для чего нужно было Толстому придумывать всѣ эти странныя подробности—о боязни учениковъ, о смущеніи Иисуса Христа и измышлять причины для нихъ, когда въ евангельскомъ текстѣ (Ин. XII, 20—22) нѣтъ даже никакого намека на что нибудь подобное? Нѣтъ этихъ подробностей и въ „Соед., перев. и изслѣд. 4 Еванг.“ (см. ч. III, стр. 76—78), но они есть въ „Кратк. излож. Еванг.“ (стр. 54).

²⁾ Ин. XII, 23: ὁ δὲ Ἰησοῦς ἀπεκρίνατο αὐτοῖς, λέγων· ἐλήλυθεν ἡ ὥρα, ἵνα δοξασθῇ ὁ υἱὸς τοῦ Ἀνθρώπου: „Иисусъ же сказалъ имъ въ отвѣтъ: пришелъ часъ прославиться Сыну Человѣческому“. Опять ясная рѣчь Господа Иисуса Христа *о Себѣ* тенденціозно переносится на всѣхъ людей, при чемъ смыслъ ея искажается до неузнаваемости: вмѣсто прославленія Сына Человѣческаго—Христа говорится о томъ, что всѣ люди—„сыны человѣческіе“, т. е. равны по своему существу, такъ какъ во всѣхъ живеть одинъ и тотъ же духъ Божій. Это все та же, уже знакомая намъ „религіозная идея“ Толстого, которую настойчиво повторяетъ онъ много разъ и дальше. Какъ и раньше, такъ и здѣсь, въ этомъ мѣстѣ евангельскаго текста, основанія для нея, какъ видимъ, нѣтъ никакого. Помимо того, что Господь Иисусъ Христосъ (нигдѣ въ Евангеліяхъ) ни разу не употребляетъ выраженія „Сынъ Человѣческій“ въ приложеніи къ другимъ лю-

открой себя во мнѣ такъ, чтобы я могъ возвеличить съ
человѣческаго и объединить всѣхъ людей“¹⁾). На эти сл
возразили ему іудеи: „мы знаемъ, что Христосъ долже
прійти, но мы не понимаемъ, что значитъ: возвеличить

дямъ вообще, именуя такъ только Себя одного, помимо, да
полнаго извращенія смысла этого мѣста Евангелія, мы наход
у Толстого еще измышленныя прибавленія и между прочимъ
кое: „пусть я пострадаю изъ-за этого“. Смыслъ этихъ сл
стоитъ въ связи съ раньше сказаннымъ у Толстого о прич
появившейся, будто бы, у учениковъ и у Самого Христа боя
іудеевъ. Но какъ и эта боязнь и причина ея, такъ и эти
писываемыя Иисусу Христу слова представляютъ сплошной вы
селъ Толстого. Ср. его „Соед., перев. и изслѣд. 4 Еванг.“, ч.
стр. 76—79 и „Кратк. излож. Еванг.“, стр. 54.

1) Какое мѣсто цитируемой XII главы Евангелія Іоанна
зумѣетъ здѣсь Толстой? Въ 20 стихѣ читаемъ: „Отче! просл
имя Твое (Πάτερ, δόξαόν σου τὸ ὄνομα). Тогда пришелъ съ
гласъ: и прославилъ и еще прославлю“ (καὶ ἐδόξασα, καὶ πάλιν
ἔξω). Опускаетъ ли Толстой этотъ стихъ совершенно, или по
дѣлываетъ его по своему? Изъ справокъ въ его „Соед., пере
изслѣд. 4 Еванг.“ (ч. III, стр. 79) оказывается, что онъ бер
лишь первую часть этого стиха и переводитъ ее такъ: „От
прояви себя!“ Вторая половина стиха, а равно 29 и 30 ст
„пропускаются, по его словамъ, какъ непонятные и ненужны
И странно было бы, если бы Толстой поступилъ иначе: и
здѣсь ясно говорится о чудесномъ „гласѣ съ неба“, просла
шемъ Господа Христа, и о толкованіяхъ его народомъ и Сам
Христомъ. Слѣдующій 31-й стихъ у Толстого сливается въ с
съ 28-мъ, 32-й же и послужилъ матеріаломъ для той перера
ки, въ которой онъ представленъ Толстымъ и въ рассматри
мой нами книжкѣ и въ „Кратк. излож. Еванг.“ (см. стр.
Καὶ ὁ ἰησοῦς ὡφθῆ ἐκ τῆς γῆς, πάντα ἐλκύσας πρὸς ἑαυτόν: „и к
Я вознесенъ буду отъ земли, всѣхъ привлеку къ Себѣ“. У
этого получается, неизвѣстно—по какому методу толкованія, и
видимъ, уже знакомая намъ (Ін. VIII, 28) мысль о превознес
или возвеличеніи *въ себя* сына человѣческаго. Раньше, по
толкованію Ін. VIII, 28, Иисусъ Христосъ говорилъ объ іуде

на человѣческаго“¹⁾. И сказалъ Иисусъ: „возвеличить сына человѣческаго значитъ жить въ силу духовнаго свѣта. А духовный свѣтъ есть во всѣхъ насъ. Сына человѣческаго надъ всѣмъ земнымъ превознести значитъ вѣрить, что духъ Божій живетъ въ каждомъ человѣкѣ“²⁾. Кто вѣритъ моему

теперь о самомъ Себѣ; но тамъ и здѣсь смыслъ этихъ словъ, по Толстому, очевидно, одинъ и тотъ же: рѣчь идетъ о Толстовскомъ „возвеличеніи или превознесеніи въ себѣ сына человѣческаго“, или о „жизни въ духѣ Божіемъ“, выражаясь языкомъ „религіи“ Толстого. Между тѣмъ слѣдующій же 33-й стихъ XII главы Евангелія Іоанна содержитъ въ себѣ ясное указаніе на то, какъ нужно понимать эти слова Господа въ обѣихъ рѣчахъ Его (и въ VIII, 28 и въ XII, 32): „сіе говорилъ Онъ,—прибавляетъ Евангелистъ,—давая разумѣть, какою смертію Онъ умретъ“ (συναινοῦν, τοῖς θανάτῳ ἡρῆλεν ἀποθνήσκειν: *назначающа, кою смертію хотѣше умерети*). Толстому, конечно, не оставалось ничего другого, какъ вычеркнуть эти слова изъ евангельскаго текста, что онъ и сдѣлалъ. „Стихъ этотъ совершенно излишенъ“, говоритъ онъ (ч. III, стр. 80).

¹⁾ Совершенно не то сказали Христу слушавшіе Его рѣчь Ин. XII, 34: „народъ отвѣчалъ Ему: мы слышали изъ закона, что Христосъ пребываетъ во вѣкъ (ὅτι ὁ Χριστὸς μένει εἰς τὸν αἰῶνα); какъ же Ты говоришь, что должно вознесену быти Сыну Человѣческому (ὅτι δεῖ ὑψωθῆναι τὸν υἱὸν τοῦ Ἀνθρώπου)? Кто этотъ Сынъ Человѣческій“? Переведенъ у Толстого этотъ стихъ такъ: „и сказалъ ему народъ: мы знаемъ изъ закона, что *владыко не измѣняется во вѣкъ*, какъ же ты говоришь, что нужно *быть возвеличену сыну человѣческому*, какой такой *сынъ* человѣческій“? А вотъ и толкованіе этого мѣста: „Иисусъ и евреи понимаютъ (?), о чемъ говорятъ они. Иисусъ говоритъ о томъ, что онъ привлечетъ всѣхъ къ себѣ, что когда онъ *возвысится надъ землей*, то и будетъ то, что соединяетъ всѣхъ, т. е. *владыко* жизни Христосъ“... (Соед., перев. и изсл. ч. III, стр. 80). Приводимъ какъ образецъ Толстовскаго „упрощенія“ евангельскаго ученія.

²⁾ Не о какомъ то странномъ мистическомъ „духовномъ свѣтѣ“ говорилъ Господь Иисусъ Христосъ, а о Себѣ и о Своемъ ученіи. См. Ин. XII, 35 – 36. И здѣсь и въ своихъ „Евангеліяхъ“—

ученію, тотъ вѣрить не мнѣ, но *духу Божію*; духъ же Божій даетъ жизнь міру и *живетъ во всѣхъ насъ*¹⁾. И кто понимаетъ мое ученіе, тотъ знаетъ этого духа, ибо этотъ духъ живетъ въ немъ и даетъ міру жизнь²⁾. Но если кто слышитъ эти мои слова и не понимаетъ ихъ³⁾, то я не осуждаю того, ибо я пришелъ не судить, а спасать. Кто моихъ словъ не принимаетъ, тотъ не вѣритъ въ духа Божія, ибо то, что я говорю, говорю не отъ себя, а отъ *духа Отца*. Духъ же Отца живетъ во мнѣ. То, что я говорю, сообщалъ мнѣ этотъ духъ“ (SS. 84—86)⁴⁾.

Ограничимся этими немногими выдержками, такъ какъ, полагаемъ, ихъ совершенно достаточно, чтобы видѣть, *какое*

пространномъ (ч. III, стр. 81) и краткомъ (стр. 55) Толстой дальнѣйшіе стихи 37—43 совершенно опускаетъ, потому что въ нихъ ясная рѣчь о божествѣ Христа. Имъ, конечно, не мѣсто въ Толстовскомъ „христіанствѣ“, и онъ, опустивъ ихъ, переходитъ прямо къ стихамъ 44—50.

1) По Ін. XII, 44: „вѣрующій въ Меня не въ Меня вѣруетъ, но въ Пославшаго Меня“. (ἀλλ' εἰς τὸν πέμψαντά Με).

2) „И видящій Меня видитъ *Пославшаго Меня* (θεωρεῖ τὸν πέμψαντά Με). Я свѣтъ и пришелъ въ міръ (Ἐγὼ φῶς εἰς τὸν κόσμον ἐλήλυθα), чтобы всякій вѣрующій въ Меня не оставался во тьмѣ“ (стр. 45—46). Вотъ о какомъ *свѣтѣ* говорить Христосъ. Это не могло не быть извѣстно Толстому и при передачѣ имъ раньше стиховъ 35—36. Но тамъ онъ искажаетъ смыслъ словъ Спасителя, а здѣсь пояснительный 46-й стихъ, конечно, опускаетъ, какъ и въ „Кратк. излож. Еванг.“ (стр. 55).

3) Стихъ 47: „и если кто услышитъ Мои слова и *не повѣритъ* (μὴ πιστεύσῃ)“. Въ „Кратк. излож. Еванг.“: „и не исполняетъ“ (стр. 55).

4) Не объ этомъ Толстовскомъ, какомъ то совершенно непонятномъ, живущемъ въ каждомъ человѣкѣ „духѣ Отца“, „духѣ Божіемъ“, „духѣ разумный“ („Кратк. излож. Еванг.“, стр. 55), говорилъ Иисусъ Христосъ. Вотъ слова Его: „Я говорилъ не отъ Себя, но пославшій Меня Отецъ (ὁ πέμψας Με Πατήρ), Онъ далъ мнѣ заповѣдь, что сказать и что говорить“ (стр. 49).

„ученіе Христа“ содержится въ разсматриваемой книжкѣ Толстого и какими путями добыто оно имъ изъ Евангелій ¹⁾. Мы видимъ, какъ излагаетъ Толстой великую евангельскую исторію для дѣтей, признавая въ такой передачѣ ея правильный путь религіозно-нравственнаго воспитанія ихъ. Но интересно при этомъ прослѣдить и самое происхожденіе разсматриваемой книжки.

Невольно вспоминается здѣсь то страшное озлобленіе, съ какимъ не разъ говоритъ Толстой объ обычномъ религіозномъ воспитаніи дѣтей—путемъ ознакомленія ихъ съ „церковнымъ“ христіанствомъ, съ „Закономъ Божиимъ“. „Стоить только ясно понять то, говоритъ онъ, что мы дѣлаемъ, обучая дѣтей такъ называемому закону Божию, для того, чтобы ужаснуться на страшное преступленіе, совершаемое такимъ обученіемъ“ ²⁾. „То преподаваніе такъ называемаго закона Божія дѣтямъ, которое совершается среди насъ, есть самое ужасное преступленіе, которое можно только представить себѣ. Истязаніе, убійство, изнасилованіе дѣтой—ничто въ сравненіи съ этимъ преступленіемъ“ ³⁾. Въ чемъ заключается это преступленіе? Въ сообщеніи дѣтямъ содержанія Ветхаго и Новаго Завѣта, которое, по словамъ Толстого, состоитъ въ томъ, что „какое то странное, дикое существо, которое мы называемъ бо-

¹⁾ См. еще: о „духѣ Божиѣмъ, живущемъ въ каждомъ человѣкѣ“—стр. 1, 20 (Ин. III, 5—6, 8), 24 (Мѡ. VI, 9), 31 (Мѡ. X, 19), 38 (Мѡ. XXV, 14—30), 47 (Лк. IX, 52—56), 78 (Мрк. XII, 1—9) и др.; о „сынѣ человеческомъ“—стр. 67 (Мрк. X, 45); о „духѣ истины“—стр. 93 (Ин. XIV, 26—28), 95—96 (Ин. XVI, 12—15); о подати на храмъ отъ „сыновъ Божіихъ“—стр. 45—46 (Мѡ. XVII, 24—27); о тайной вечери—стр. 89—91 (Мѡ. XXVI, 17—30; Ин. XIII, 1—35) и др.

²⁾ „Мысли о воспит. и обуч.“, стр. 26.

³⁾ Тамъ же, стр. 28.

гомъ (!), вадумало сотворить міръ, сотворило его и человека, и что человекъ согрѣшилъ, злой богъ (!) наказалъ его и всѣхъ насъ за это, потомъ выкупилъ (?) у самого себя смертью своего сына; и что наше главное дѣло состоитъ въ томъ, чтобы умилостивить этого бога и избавиться отъ тѣхъ страданій, на которыя онъ обрекъ насъ"... „У ребенка есть смутное представленіе о томъ, что есть то начало всего, та причина его существованія и сила, во власти которой онъ находится... И вдругъ вмѣсто этого ему говорить (!?), что начало это есть не что иное, какъ какое то личное, самое дурное и страшное злое существо—еврейскій богъ... У всякаго ребенка есть и сознаніе того, что обязанности человека очень сложны и лежатъ въ области нравственной. Ему говорить вмѣсто этого (?), что обязанности его лежатъ преимущественно въ слѣпой вѣрѣ, въ молитвахъ—произнесеніи извѣстныхъ словъ въ извѣстное время (?), въ глотаніи вина и хлѣба (!), которые должны представлять кровь и тѣло бога. Не говоря уже объ иконахъ, чудесахъ, безнравственныхъ рассказахъ библіи, передаваемыхъ какъ образцы поступковъ (!), такъ же какъ и объ евангельскихъ чудесахъ и обо всемъ безнравственномъ значеніи (?), которое придано евангельской исторіи“¹). Въ такихъ и подобныхъ злобно-кощунственныхъ выраженіяхъ много разъ передаетъ Толстой то, *будто бы* христіански-церковное, толкованіе Ветхого и Новозавѣтнаго ученія, которымъ, по его словамъ, обычное религіозное воспитаніе „отравляетъ“ дѣтскую душу, „развращаетъ чистые дѣтскіе умъ и сердце“. Естественно, конечно, было бы спросить послѣ этого: почему же люди сознательно причиняютъ своимъ и чужимъ дѣтямъ такое страшное зло? Вѣдь самъ же Толстой говоритъ: „если я знаю, что обманъ—обманъ, то ни при какихъ условіяхъ я

¹) Тамъ же, стр. 26 -27.

не могу говорить ребенку, наивно, довѣрчиво спрашивающему меня, что извѣстный мнѣ обманъ есть священная истина¹⁾. А если такъ, то что же это такое: почему же допускается этотъ ужасный обманъ? Не значить ли это, что всѣ вѣрующіе люди совершенно не такъ понимаютъ содержащія откровеннаго ученія Ветхаго и Новаго Заветъ, какъ кощунственно изображаетъ его Толстой, а потому иначе оцѣниваютъ и воспитательное значеніе его? Нѣтъ, по Толстому, вопросъ рѣшается иначе: „правительству, говорить оны, правящимъ, властвующимъ классамъ нуженъ этотъ обманъ: съ нимъ неразрывно связана ихъ власть и потому правящіе классы всегда стоятъ за то, чтобы этотъ обманъ производился надъ дѣтьми и поддерживался бы усиленной гипнотизаціей (?) надъ взрослыми“²⁾. Вотъ гдѣ весьма (даже слишкомъ) простая разгадка этого, казалось бы, чрезвычайно страннаго явленія. Такимъ образомъ, придя „къ убѣжденію, что наше церковное ученіе есть безсовѣстная и вредная ложь, а преподаваніе его дѣтямъ есть величайшее преступленіе“³⁾, Толстой и рѣшилъ *самостоятельно* истолковать ученіе Христа, найти въ немъ истинный „смыслъ жизни“ и посредствомъ вѣрной передачи его дѣтямъ поставить на правильный путь религіозно-правственнаго воспитаніе ихъ.

„Основа всякой человѣческой жизни, говорить оны, есть религіозное жизнепониманіе. . Въ основу всего должно стать религіозное ученіе такое, какое было бы согласно со степенью просвѣщенія людей безъ различія національностей и положеній... И такое ученіе есть — ученіе христіанское *въ самомъ простомъ и разумномъ его выраженіи*“⁴⁾... Но какъ же добыть этотъ простой общепонятный, а не столь злобно

¹⁾ Тамъ же, стр. 28.

²⁾ Тамъ же, стр. 28.

³⁾ Тамъ же, стр. 29.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 7.

наибренно искажаемый церковью, смысл христіанскаго ученія? Опять, по Толстому, очень просто. „Богъ открылъ истину людямъ. Я—человѣкъ и потому не только имѣю право, но долженъ воспользоваться ею и стать къ ней лицомъ къ лицу *безъ посредниковъ*. Если Богъ говоритъ въ этихъ книгахъ“ (въ Новозавѣтномъ Писаніи, изъ котораго Толстой беретъ лишь Евангелія), „то Онъ знаетъ слабость моего ума и будетъ говорить мнѣ такъ, чтобы не ввести меня въ обманъ“... „Откровеніемъ же я называю то, что даетъ отвѣтъ на тотъ неразрѣшимый разумомъ вопросъ, который привелъ меня къ отчаянію и самоубійству,—какой смыслъ имѣетъ моя жизнь? Отвѣтъ этотъ долженъ быть понятенъ и не противорѣчить законамъ разума... потому что противорѣчивому отвѣту я не повѣрю, и потому онъ долженъ быть не только понятенъ и не произведенъ, а *неизбѣженъ* для разума... Отвѣтъ долженъ отвѣчать на мой вопросъ—какой смыслъ имѣетъ моя жизнь? Если онъ не отвѣчаетъ на этотъ вопросъ, то онъ мнѣ не нуженъ.. Отвѣтъ долженъ быть не только разуменъ, ясенъ, но и вѣренъ, т. е. такой, чтобы я повѣрилъ въ него всею душою, неизбежно вѣрилъ бы въ него“¹⁾... Выходя изъ такихъ соображеній и поставивъ по отношенію къ Евангелію такія требованія свои, Толстой и пустился на самостоятельные поиски заключающагося въ немъ смысла жизни.

Итакъ, вотъ что привело Толстого къ его собственному толкованію Евангеліискаго ученія вообще и къ „дѣтскому переложенію“ его, въ частности. Это, во-первыхъ, полное отрицаніе „церковнаго“ христіанскаго ученія, дошедшее до страшнаго озлобленія, выразившагося въ кощунственныхъ издѣвательствахъ надъ глубочайшими и святѣйшими истинами христіанской вѣры и, во-вторыхъ, полное довѣріе

¹⁾ „Соедин., перев. и изслѣд. 4-хъ Евангелій“. Ч. I, стр. 6—7.

къ себѣ, къ своимъ личнымъ силамъ, къ своей способности „безъ посредниковъ“, самостоятельно, лучше всѣхъ разобратъ въ евангельскомъ текстѣ и извлечь изъ него такой „смыслъ жизни“, который вполне отвѣчалъ бы его, Толстого, требованіямъ. Безъ всякихъ руководствъ (?), но зато съ извѣстными, хотя и не вполне ясными идеями своей религиозной философіи отправляется Толстой въ свои странствованія по необозримому морю евангельскаго текста. Ему нужно одно: найти въ Евангеліяхъ то, что какъ нибудь отвѣчало бы его предвзятымъ идеямъ и тѣмъ давало бы имъ авторитетъ высочайшій, авторитетъ ученія Христова. Чтобы достичь такой цѣли, Толстой, какъ мы могли убѣдиться, не останавливается ни передъ чѣмъ: онъ совершенно не считается съ текстомъ, не только выбрасывая изъ него все не отвѣчающее его „религін“, произвольно переставляя, сокращая, по-своему толкуя, но и вставляя цѣлыя „пояснительные“ эпизоды отъ себя, сочиняя ихъ¹⁾. Не удивительно, что идя такимъ „самостоятельнымъ“ путемъ, можно прійти къ выводамъ, какимъ угодно. И Толстой „нашелъ“ то, чего искалъ: авторитетъ Самого Христа, по его мнѣнію, увѣнчалъ его міровозрѣніе. Не даромъ онъ испытывалъ „впродолженіе всей этой долгой работы“ особое „сосредоточенное, постоянно восторженное душевное напряженіе“²⁾: было изъ-за чего волноваться... Итакъ, искомый, якобы евангельскій, т. е. Христовъ смыслъ жизни най-

1) Поэтому всякій, кто взялъ бы на себя задачу полемизировать съ Толстымъ, анализируя его „Соединеніе, переводъ и изслѣд. 4 хъ евангелій“ *на почвѣ дѣйствительнаго* евангельскаго текста, можетъ быть поставленъ въ большое затрудненіе: болѣею частью спорить не о чемъ, такъ какъ на этой почвѣ почти не оказывается точекъ соприкосновенія: у Толстого *свой собственный* евангельскій текстъ.

2) Тамъ же: „Предисловіе къ первому изданію“.

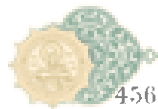
день; остается на тѣхъ же основахъ построить и религиозное воспитаніе дѣтей, которому Толстой придаетъ должное, по справедливости принадлежащее ему значеніе. И вотъ онъ издчетъ свое „ученіе Христа, изложенное для дѣтей“. Гакъвъ генезисъ этой книжки его.

Послѣ этого должно быть понятно и педагогическое значеніе ея. Какъ уже было сказано вначалѣ, та главная цѣль, къ которой стремятся и Толстой и издатель нѣмецкаго перевода его книжки, можетъ быть достигнута ею: изъ чистой дѣтской души, такъ жаждущей живого личнаго Бога, этотъ Богъ якобы евангельскими разсказами Толстого объ „Исусъ и его ученіи“ будетъ изгнанъ. Но что же водворится тамъ на Его мѣстѣ? Туманный буддизмъ Толстого? Мы отчасти познакомились съ нимъ и потому можемъ судить, насколько, во-первыхъ, трудно будетъ хоть до вѣкоторой степени растолковать его дѣтскому уму. Неясная, отвлеченная, не дающая никакихъ живыхъ реальныхъ представленій эта религиозная философія Толстого, какъ бы ни измѣняли онъ въ угоду ей евангельскій текстъ, всегда будетъ недоступна дѣтскому пониманію, разъ такъ трудно разобратся въ ней и уму взрослого человѣка. Во-вторыхъ, что самое главное, какъ обосновать на ней, съ должною непоколебимостью, высокія христіанскія нормы нравственной жизни человѣка? Какое отношеніе между общими пантеистическими принципами „религіи“ Толстого, проведенными послѣдовательно до конца, и нравственными идеалами христіанства?

Естественно возникаетъ вопросъ: гдѣ у Толстого основы его якобы христіанской морали? — въ какой-то „волѣ Божіей“, въ вѣдѣніяхъ какого то будто бы живущаго въ человѣкѣ „духа Божія“. Но кто или что этотъ „Богъ“ Толстого, сливающийся съ міромъ, разсѣивающійся въ немъ, чтобы человѣкъ сталъ слушаться его, да и гдѣ, въ чемъ ясный, удобопонятный голосъ его? Если толковать послѣдній въ наибо-

нѣе понятномъ смыслѣ голоса человѣческой совѣсти, то и въ такомъ случаѣ велѣнія этого „духа“, неясныя и даже не всегда одинаковыя по своему содержанію, не могутъ имѣть характера безусловной нравственной обязательности. На чемъ долженъ основываться столь высокій, якобы божественный авторитетъ этого „голоса Божія“ при пантеистическомъ пониманіи идеи Бога, дающемъ широкій просторъ признанію этого „голоса“ въ чемъ угодно и толкованіямъ его какимъ-угодно? Далѣе, въ самомъ человѣкѣ есть ли необходимыя условія для такого выполнения воли Божіей, которое имѣло бы характеръ нравственной вмѣняемости? При послѣдовательномъ проведеніи общихъ пантеистическихъ началъ Толстовской религіозной философіи нельзя объяснить, а потому нельзя и допустить (чего и не дѣлаетъ Толстой) ни личнаго человѣческаго бытія, въ смыслѣ бытія индивидуальной человѣческой субстанціи (а не „животной личности“, о которой говоритъ Толстой), ни свободы человѣческаго самоопредѣленія и дѣйствія, ни разумной основы послѣдняго. А если такъ, то можно-ли при этомъ говорить о нравственной вмѣняемости человѣку его поступковъ, о добродѣтели или порокахъ, о нравственности вообще?

Такимъ образомъ Толстой, въ своихъ самостоятельныхъ поискахъ „простого и разумнаго“ пониманія евангельскаго ученія Христа Спасителя, сознательно и тенденціозно выбрасывая изъ него якобы совершенно ненужную и противорѣчащую человѣческому разуму догматическую основу его, тѣмъ самымъ обрекаетъ на неустойчивость и крушеніе и ту нравственную сторону ученія Христова, которую онъ хочетъ, *въ своемъ освѣщеніи*, присоединить къ своему пантеизму и передать дѣтямъ. Тѣ глубочайшія богооткровенныя истины, на которыхъ незыблемо покоится вся *христіанская* мораль, не могутъ быть замѣнены для нея туманною философіей Толстого о „духѣ Божіемъ въ человѣкѣ“, о „превознесеніи въ себѣ сына человѣческаго“ и т. п., потому что пантеизмъ

Толстого, взятый во всемъ своемъ объемѣ и проведенный послѣдовательно, къ христіанской морали не имѣетъ никакого отношенія. Напротивъ, онъ ведетъ къ тому „аскетическому и квіэтистическому эвдемонизму“, въ которомъ, по мнѣнію профессора А. А. Козлова, сущность всей этики Толстого въ его книгѣ „О жизни“ ¹⁾.

Да иначе не можетъ быть. Какъ изъ принциповъ религіозной метафизики пантеизма вывести высокую мораль христіанства? Естественно, что и мораль должна получиться соответствующая имъ,—имѣющая въ виду не положительную цѣль нравственной самостоятельности человѣка, развитіе и нравственное усовершенствованіе свободной человѣческой личности, направляющееся къ высочайшему нравственному идеалу („будите убо вы совершенн, якоже Отець вашъ небесный совершенъ есть“—Мѣ. V, 48), а лишь отрицательную цѣль — избавленіе человѣка отъ тѣхъ страданій, какими должна быть полна для него вся его жизнь, омраченная сознаниемъ, что „жить для цѣлей личности разумному существу нельзя, нельзя потому, что всѣ пути заказаны ему“, сознаниемъ „тщеты существованія личности, невозможности ея блага“ ²⁾. Таковъ именно и есть характеръ всей морали Толстого съ ея основнымъ направленіемъ—непротивленіемъ злу и съ ея столь увлекательнымъ на первый взглядъ по своей высотѣ, кажущимся чисто христіанскимъ, принципомъ самоотверженной любви ко всѣмъ людямъ.

Толстовскій путь нравственности — непротивленіе злу, отрицательный по своему существу (таковы всѣ „заповѣди“ Толстого), будучи проведенъ послѣдовательно, долженъ привести человѣка къ состоянію нравственной пассивности,

¹⁾ См. Вопросы филос. и психол. 1891 г. кн. 8, стр. 108—109.

²⁾ „О жизни“, гл. XXII, стр. 74, гл. XXIV, стр. 84.

нравственнаго безразличія, равнодушія; во всякомъ же случаѣ это еще не путь къ нравственному совершенству, о которомъ не можетъ быть и рѣчи безъ нравственныхъ принциповъ положительнаго, созидательнаго характера. Но можетъ быть, здѣсь, въ этомъ непротивленіи злу, человѣкъ дѣлаетъ первые подготовительные шаги на пути къ идеалу нравственнаго совершенства, самый же путь къ нему онъ пройдетъ, руководясь Толстовскимъ принципомъ „любви“? Однако, что представляетъ и эта „истинная“ любовь Толстого по своему существу? Какой смыслъ ея, при отрицаніи личнаго субстанціальнаго бытія человѣка, при пониманіи смысла „истинной“ жизни его лишь въ сліяніи съ безконечнымъ, только въ жизни „цѣлаго“, въ жизни общей, взятой во всемія ея объемъ? При такомъ пониманіи смысла жизни можетъ ли „любовь“ Толстого служить надежнымъ руководителемъ нравственнаго развитія человѣка? Толстой „зоветъ... къ жизни для другихъ, къ служенію людямъ, отреченію отъ жизни личной. Но посвященіе себя на служеніе ближнимъ, работа для другихъ, любовь къ человѣчеству - все это должно умереть при толстовскомъ пониманіи смысла жизни, безъ вѣры въ личное безсмертіе. Нѣтъ у нихъ тогда жизненныхъ соковъ, нѣтъ основы ни въ разумѣ, ни въ сердцѣ. Служеніе человѣчеству, „жизнь сына человѣческаго“ въ концѣ концовъ оказываются безсмысленны и не нужны“¹⁾.

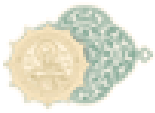
Они оказались нужными самому Толстому, который, утративъ вѣру и не найдя безъ нея никакого смысла въ человѣческомъ существованіи, мучимый соз. аніемъ полнѣйшей „тщеты“ такого существованія, послѣ долгихъ томительныхъ исканій ухватился, наконецъ, за эту давно извѣстную и ничего новаго не представляющую пантеистическую идею

¹⁾ В. Титлиновъ. „Христіанство“ гр. Л. Н. Толстого и христіанство Евангелія. СПб. 1907, стр. 94—95.

человѣческой жизни въ сліяніи съ міровымъ „цѣлымъ“, а отсюда и самоотверженнаго служенія этому „цѣлому“, любви ко всѣмъ людямъ. Но ясно, что на общей основѣ такого міровоззрѣнія и эта „истинная“ любовь Толстого получаетъ совершенно иное сравнительно съ христіанствомъ, чуждое ему освѣщеніе. „Любовь и самопожертвованіе, проповѣдуемая гр. Толстымъ, невѣрно называются имъ любовью къ людямъ; на самомъ же дѣлѣ послѣдняя есть *любовь къ себѣ*. Она есть не что иное, какъ средство избавиться отъ страданій. Любящій, у гр. Толстого, отдаетъ все другимъ не потому, что онъ, по любви къ нимъ, хочетъ счастья этихъ другихъ, а потому, что счастье невозможно для него самого... Если этический принципъ гр. Толстого и можетъ быть названъ „любовью“, то любовью не къ другимъ, а къ самому себѣ. Но такъ какъ въ то же время полное осуществленіе этого принципа превращаетъ любящее себя я въ нѣчто всеобщее и безличное, или, что все равно для него, въ *ничто*, то вся этика, основанная на этомъ принципѣ, оказывается иллюзорною, ибо ставитъ цѣль мнимую—благо, исчезающее тогда, когда стремящійся къ нему считаетъ его достигнутымъ“ ¹⁾. Вотъ конечные выводы изъ якобы христіанской этики Толстого.

Итакъ, къ чему же должна привести дѣтей, имѣющихъ потомъ стать взрослыми людьми, разсматриваемая нами, книжка Толстого? Къ христіанству безъ Христа, какъ того хочетъ авторъ, къ высокой христіанской нравственности безъ столь ненавистной ему „церковной“ догматики? Нѣтъ: отвергая Христа—Бога, онъ отвергаетъ и самое христіанство въ его существѣ, какъ религію богооткровенную съ универсальнымъ значеніемъ. Что же касается при этомъ, въ

¹⁾ А. А. Козловъ. См. Вопросы филос. и псих. 1891 г. кн. 8, стр. 94—95.

частности, предлагаемой Толстымъ якобы христіанской морали, то если даже взять ее внѣ связи съ общео пантеистическою метафизикою Толстого и придать ей даже христіанскій смыслъ, какъ дѣлаетъ, вѣроятно, большинство изъ послѣдователей Толстого, то и въ такомъ случаѣ она не можетъ служить надежнымъ руководствомъ ни для нравственной жизни человѣка, ни для нравственнаго воспитанія дѣтей, какъ того хочетъ Толстой, потому что она лишена будетъ столь необходимаго ей характера твердости, устойчивости. Оторванная отъ глубочайшихъ догматическихъ истинъ ученія Христа Спасителя и потому лишенная своей основы, она окажется ничѣмъ не защищенною или защищенною слишкомъ слабо отъ всякаго порыва философскаго вѣтра съ противнымъ теченіемъ, будетъ-ли то со стороны пресловутаго ницшеанства или откуда еще. Но вѣдь нельзя же разрывать на части то, что представляетъ одно цѣльное міровоззрѣніе, и разсматривать одно нравственное ученіе Толстого безъ связи съ общео пантеистическою основою его. Освѣщая же одно другимъ, нельзя не видѣть, какъ изъ этики Толстого исчезаетъ при этомъ приписываемый ей христіанскій характеръ, и рельефно выступаютъ очертанія совершенно иного начала жизни, проникнутаго тѣмъ же духомъ пантеизма, какъ и вся „религія“ Толстого.

Если такъ, то зачѣмъ же предлагать дѣтскому уму это Толстовское „ученіе Христа“ вмѣсто дѣйствительнаго? Зачѣмъ собственными руками закрывать дѣтское сердце, Самимъ Творцомъ открытое для благодатныхъ лучей вѣры, и сковывать его мертвящимъ холодомъ туманной „религіи“ безъ личнаго Бога?

Н. Маккавейскій.